М.М.Герасимова – о жизни, об отце, об антропологии. Ч 2

Продолжаем разговор с антропологом Маргаритой Михайловной Герасимовой.

Часть II

О становлении в науке

- Маргарита Михайловна, когда вы захотели стать антропологом?

— Это было для меня настолько привычно, и столько интересных людей меня окружало, что для меня не было выбора. Я ходила в антропологический кружок еще школьницей, особенно меня интересовали древности. Поступила в Московский Университет, потому что там была кафедра антропологии.

- Ваша учеба на биофаке МГУ пришлась на мрачные времена лысенковщины. Коснулась ли антропологов тень этого мракобесия? Какова была обстановка на факультете? Генетику ведь Вам не преподавали?

— Знаете, вот у Генриетты Леонидовны, которая училась на два-три года раньше меня, осталось очень тягостное впечатление об обстановке в Университете. Когда я попала на факультет, у меня такого впечатления не было. Это был 1952 год. Конечно, генетику нам не преподавали, мы учили «мичуринский дарвинизм». Так, иногда проскальзывало что-то про «вейсманизм-морганизм» как нечто совершенно невозможное. Но я кое-что знала про генетику. Когда мне было 14 лет, меня познакомили с одним замечательным человеком – это Яков Евгеньевич Эленгорн, он был генетиком. Из-за рассеянного склероза он уже практически не мог работать, но к нему приходили студенты и даже подростки, и он вел с нами беседы. Было очень интересно. Что-то я узнавала дома. К родителям приходили друзья, рассказывали, что некоторые хорошо знакомые им люди даже кончали самоубийством в той обстановке, которая складывалась вокруг. Про Вавилова я от него услышала. Но на биологическом факультете мы просто знали, что придется учить этот ужасный мичуринский дарвинизм, не более того.

На пятом курсе к нам пришел читать лекцию Трофим Лысенко. Это было ужасно. Он такое нам нес! Я записывала его слова, но, к сожалению, не могу найти эту тетрадку. Но хорошо помню, как он говорил: «От осины не растут апельсины? Нет, растут!». Потрясающие у него были сентенции. Мы его застукивали.

- Не боялись?

— Нет, мы даже не ощущали, что это страшно. Очевидно, время уже изменилось, хотя до оттепели еще далеко. Лысенко был, конечно, обескуражен нашей реакцией, но он уже был на закате, шел 1956 год.

Мичуринский дарвинизм нужно же было еще сдавать. Я читала учебник – ничего не поняла. И получила тройку на экзамене. У меня в аттестате две тройки – по дарвинизму и по марксистско-ленинской философии, для меня эти политические предметы – совершенно невозможные. Я и кандидатский минимум по марксистско-ленинской философии сдала только по шпаргалкам.

- А как начинался Ваш путь в антропологии?

— Заниматься папиным делом я не захотела из-за юношеского максимализма.

— Чтобы быть в науке самостоятельной, а не «папиной дочкой»?

— Ну да. И еще потому что как-то заглянула в ларь, где плавали две головы для препарирования. И на меня так сильно нахлынуло чувство бренности человеческого бытия, что я поняла, не смогу я никогда этим заниматься.

— Расскажите о Вашей первой антропологической экспедиции?

— В первую экспедицию в 1954 году я поехала с известным археологом, специалистом по бронзе, Николаем Яковлевичем Мерпертом. Написала две маленьких статьи, не без помощи Георгия Францевича Дебеца, по бронзе и древним бóлгарам. До сих пор на них ссылаются. А затем отец мня взял в Староселье, в Крыму. Там Александр Александрович Формозов обнаружил под скальным навесом погребение ребенка, от полутора до двух лет. На место раскопок вызвали комиссию, туда вошли Яков

Я.Я.Рогинский

Яковлевич Рогинский, Сергей Николаевич Замятнин и Михаил Михайлович Герасимов. Отец взял меня потому еще, что мама боялась отпускать его одного, он уже начинал болеть. По этому погребению возник серьезный спор, к какой эпохе его относить – это уже начало верхнего палеолита или конец мустье? Я.Я.Рогинский отметил на черепе очень крупные зубы, утолщение латерального края верхнечелюстного отростка скуловой кости и другие неандерталоидные признаки. А в то время мы придерживались концепции, что неандертальцы – предковая форма сапиенсов, а также концепции о жесткой связи между индустрией и видовой принадлежностью. И впервые эта схема стала расшатываться.

Потом нашли в Костенках на Дону верхнепалеолитическое погребение на стоянке Маркина гора, и отец тоже взял меня на раскопки. Там также были большие споры относительно периода, пока специалисты не пришли к согласию, что для Восточной Европы не годится периодизация, которая применялась во Франции. Затем экспедиция в 1955 году, во главе с Александром Николаевичем Рогачевым, она вошла в историю, и через 50 лет мы с теми, кто остался жив, провели конференцию в Костенках «50 лет в строю».

- Кого Вы считаете своими главными учителями?

Г.Ф.Дебец

- Первый мой учитель в антропологии, конечно, Георгий Францевич Дебец. Он был очень крупным краниологом, фактически основавшим у нас в стране палеокраниологическое направление. Много лет я работала с Виктором Валерьяновичем Бунаком и считаю его своим учителем. Он был настоящим энциклопедистом, очень широкого спектра ученым, и бóльшим теоретиком, чем Дебец. Они с Георгием Францевичем во многом стояли на противоположных позициях. Сегодня очень многие идеи Бунака получают новое развитие. Так что у меня два главных учителя.

Ну и, конечно, окружение отца, его коллеги – были для меня учителями. Вокруг него было очень много интересных археологов: тот же Замятнин, Рогачев, Чернецов, геолог Валериан Иннокентьевич Громов, который занимался четвертичным периодом. Это все очень яркие люди, и не только в том, что касается науки. Когда они приходили в гости – только сиди и слушай, узнаешь массу интересного. Я жила в таком окружении.

- Маргарита Михайловна, Вы занимались такими разными эпохами – как это у Вас сочеталось?

Мне, конечно, более всего был интересен палеолит, но надо было писать диплом, а по палеолиту – кто же мне даст? Очень мало находок по палеолиту на Русской равнине. Потом появились интересные находки – в Дманиси, но это уже не Россия. Так я и попала в экспедицию к Н.Я. Мерперту работать с бронзой; затем у А.Х. Халикова занималась абашевцами, а диплом делала у Дмитрия Борисовича Шелова, он античник. У него стала заниматься краниологией Танаиса – это самая северная колония азиатского Боспора, эту тему мне предложил Г.Ф.Дебец. А сохранность останков везде в Причерноморье просто жуткая. Так что за три месяца в экспедиции привозишь шесть черепов, с трудом склеенных. Георгий Францевич сам говорил, что дал мне очень плохую тему. Среди европеоидов – северные и южные и то плохо различаются. А уж среди них выделить какие-то группы совсем трудно.

Так что, чем я только не занималась — и бронзой, и античностью, и средневековьем… Последним – в Краснодарском крае, по адыгам. Потом Валерий Павлович Алексеев меня попросил приехать поработать с черепами осетин 14 века. Я приехала и была поражена – ожидала увидеть широколицые черепа, а тут – ничего подобного! Они оказались совсем не такими. И даже сейчас, когда идешь по Владикавказу, видишь, что есть широколицые «кавкасиони», но их мало, а большинство узколицые. То есть, эти два типа, по-видимому, там до сих пор особо не смешиваются. Или смешиваются и опять расщепляются. А может быть, расщепление связано с какими-то социальными причинами, возможно, тут проявляется брачная ассортативность.

- Маргарита Михайловна, в последнее время участились споры о расах. Появилась научная статья, что Американская антропологическая ассоциация по результатам опроса большинством голосов отвергает существование рас. Среди российских антропологов тоже есть такие, кто предлагает отказаться от этого понятия.

— Ну, то, что существует три- или четыре больших расы – это просто смешно отрицать. Те же американцы употребляют же определение афроамериканцы, значит, фактически они признают другую расу… А то, что внутри них – это классификационный аппарат, помогающий нам решать какие-то проблемы. Ну а дальше уже все зависит от того, как мы к этому относимся, вкладываем ли мы в них какое-то социальное наполнение. Но, к сожалению, российские антропологи не

принимали участие в этой дискуссии про расы. Вот Леонид Теодорович Яблонский был борцом за реальность существования рас, остальные в основном молчат.

Об антропологии и генетике

- Маргарита Михайловна, как Вы относитесь к палеогенетике, которая в последние годы очень бурно развивается и порой приходит к неожиданным результатам?

— Я признаю достижения генетики, но считаю, что некоторые генетики слишком обобщают свои небольшие пока данные и делают неверные выводы, часто игнорируют гуманитарную составляющую. Это меня огорчает – то, что встречаются легкомысленные и несостоятельные работы. Палеогенетика – это молодая наука, которая только набирает вес, и ее результаты могут меняться. Например, про неандертальцев и сапиенсов 10 лет назад генетики говорили одно, а сейчас другое.

- Но первый вывод был сделан по исследованию митохондриальной ДНК неандертальца, а второй – по ядерной.

— По моему мнению, то, что они находят у сапиенсов, могло остаться не от неандертальцев, а из более древних времен – от гейдельбергского человека.

- О времени метисации генетики судят по длине заимствованных фрагментов ДНК, это объективный показатель.

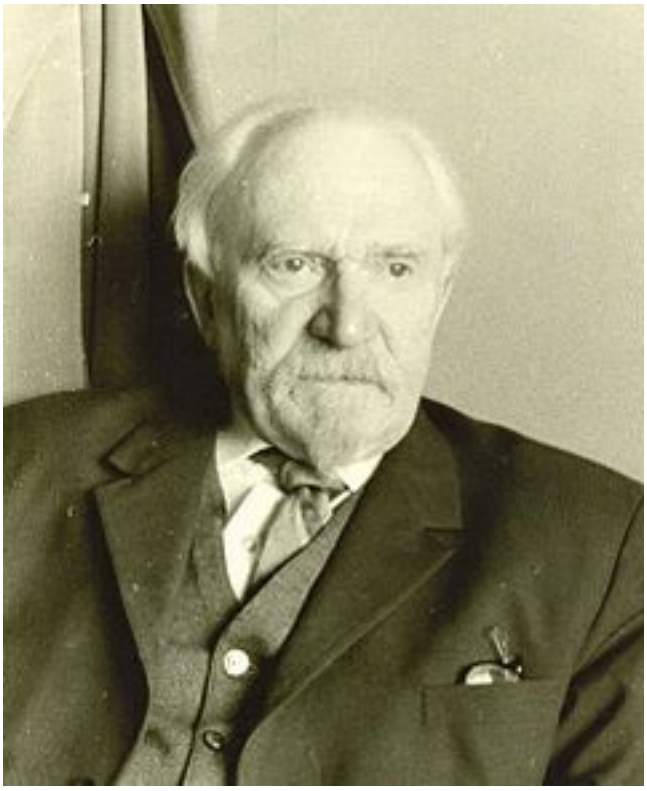
— Я не уверена, что еще через 10 лет все не поменяется. Ну и мало кто из ученых может честно написать, что раньше он считал по-другому, а потом изменил свое мнение…

- Один недавний пример — с подростками из сунгирского захоронения. Антропологи ведь считали, что это мальчик и девочка, а генетика показала – два мальчика.

— Мне с самого начала было удивительно, почему работающие с этим захоронением антропологи сочли, что это девочка. Я нигде этого не писала, но я была удивлена. Вот книга, которую они выпустили в 2000 году и назвали почему-то «Homo sungirensis» – как будто это новый вид. Сейчас я посмотрю, в какой главе об этом написано… А, вот – там и генетики сначала сделали неверный вывод, и они ошиблись! Не только антропологи. Так что я не думаю, что генетика – это панацея, которая решает все проблемы.

Вообще, мы живем в мире морфологии, а не генетики. Мы пользуемся электричеством, но не думаем же при этом, как там бегут электроны?

- А человек с Маркиной горы? Генетики доказали, что он был европеоидом.

В.В.Бунак

— Но ведь никто же и не называл его папуасом! Человека с Маркиной горы называли «негроид с Маркиной Горы», В.В.Бунак считал, что правильнее было бы называть его «папуасообразной» формой, но никто и никогда не считал, что он происходит из мест обитания современных папуасов. Казалось бы, прекрасно, генетики подтверждают точку зрения морфологов. Здесь другая история. Группа антропологов, занимающаяся сейчас этой находкой, подхватив идею, высказанную палеогенетиками, пытается на морфологическом материале, имея в тылу данные генетики, опровергнуть гипотезу, которая никогда в такой форме и не была высказана антропологами. Тут все и антропологи и генетики ломятся в открытую дверь. Там вот в чем дело – необычное сочетание прогнатизма с выступающим носом. Но может быть прав был Виктор Валерьянович Бунак, когда он говорил о существовании несбалансированных форм в палеолите.

Маргарита Михайловна, как Вы оцениваете Молодежную антропологическую конференцию, прошедшую в апреле этого года, в проведении которой генетики участвовали наравне с антропологами? Такой совместный опыт.

— Я считаю, что это очень хороший опыт. Очень полезно было молодым ученым услышать, как работают генетики и антропологи, что они думают. Мы слушали друг друга. Но все же, надо признать, что пока мы не очень умеем друг друга понимать. У нас совсем другой понятийный аппарат. Много разногласий в понимании терминов. Например, генетики говорят про охотников-собирателей, не очень разбираясь в том, что стоит за этим термином, не учитывая, что охотники-собиратели бывают очень разными. Другой пример – поглощение (популяций) – что он означает? Бывает метисация, бывает истребление – это совершенно разные процессы.

- У антропологов и генетиков один объект исследования – человек. Может быть, ключ к пониманию в том, чтобы больше знать, чаще знакомиться с работами другой области науки?

— Конечно, это так. Хотя генетика сегодня довольно сложная наука, у нее большой математический аппарат, она включает много моделирования. Но безусловно, мы должны научиться если не говорить на одном языке, то хотя бы слышать друг друга. А то вот иногда даже с медиками не можем достичь взаимопонимания. Сейчас девочки приехали с конференции по интегративной медицине и пришли в ужас от того, что говорили на ней профессора.

Конференция наша была очень хорошая. Такие междисциплинарные мероприятия надо проводить. Но надо сказать, что иногда междисциплинарность понимают так: я беру какие-то факты из другой области как доказательство моих концепций. Это мне не нравится. А настоящая междисциплинарность – это сопоставление: вот мои выводы на моем материале и моими методами, а вот ваши выводы на том же материале вашими методами, и, если мы приходим к консенсусу – значит, проблема стала разрешаться.

- А есть ли конфликт интересов у антропологов с археологами? Все же, вы работаете на одном материале.

М.М.Герасимова

— Ну что касается меня, если меня просят написать, что я думаю, я так и пишу. Вот, с абашевцами – я пишу, что говорит антропологический материал, а он говорит, что они мигрировали с запада. А Альфред Хасанович Халиков, который их раскопал, считает, что они произошли от ямников. Но он публикует мое мнение. Хотя кто-то другой может не публиковать — бывает и так. Бывает, что кусочки материала отдают одному исследователю, другому, и берут тот результат, который понравится. Но это же не экспертиза, а научная статья. Так что, некоторые этические моменты у нас утрачены, и это неприятно. Где кончается этика, там кончается наука.

Об антропологии сегодня

- Какие у вас отношения с молодыми антропологами?

— Очень люблю читать работы молодых. Как говорил один мой учитель: «Даже если чушь написана, то такая незамыленность взгляда!». А вот преподавать не люблю и не умею – в качестве научного руководителя сразу становлюсь на позицию коллеги. Чему могу – научу, но как старший коллега.

- Приходят ли сегодня молодые в антропологию?

— В физическую антропологию с кафедры сегодня идут мало, так что у нас проблема с молодыми. В эволюционной антропологии нет новых находок, а преподавание сейчас идет не в русле нашего отдела. К нам в аспирантуру идут в основном историки. Ну и стипендия мизерная, так что поток сокращается.

- А находки? Может быть, они еще будут? Или некому искать? Или все уже раскопали?

— Хорошие верхнепалеолитические районы – это Средний Дон (Костенки), это Сунгирь и Десна. В Костенках пять погребений – двое взрослых и три ребенка. В Сунгире – только три верхнепалеолитических черепа – мужчина и двое подростков, что бы там ни писали про кладбище. В Десне только все разрозненное — зубы, отдельные челюсти. И все, больше нету. В Западной и Восточной Сибири, кроме Мальтийского, все погребения размытые или разрозненные. В Сибири, конечно, было бы интересно покопать, вот Деревянко копает под Красноярском. Почему во Франции все хорошо с верхним палеолитом? Потому что она вся уже изучена до предела. Раскопки – дорогостоящая вещь, поэтому сейчас очень развиты новостроечные экспедиции — где проходят большие стройки, там и ведутся раскопки. В пещерах ищут, ну вот может быть, в Крыму что-то найдут.

Здесь есть большой элемент случайности. Есть такое понятие – археологическое счастье, и оно существует! Вот в Костенках четыре погребения, и три из них найдены в 1954-55 годах одним исследователем – Рогачевым. А Борисковский, который тоже там работал, нашел только одно погребение.

О личном

— Маргарита Михайловна, невозможно не восхищаться Вашей энергией. А как Вы отдыхаете?

— А я не отдыхаю. Работаю себе и работаю, что мне еще делать? Беру отпуск зимой, чтобы не ходить по льду, а то уже пять раз ломала руку… Летом с Манечкой гуляю. Ну и на конференции стараюсь ездить. Раньше мы пять лет подряд ездили во Францию, в Музей человека, работали там, это очень интересно! Сейчас каждый год ездим в Минск на конференцию, это уже стало традицией. Мне там очень нравится. Очень люблю гостей, приготовить что-то домашнее, напечь пирожков или для молодежи устроить фондю. У нас уже сложилась традиция встречаться на третий день Нового года, на масленицу (я пеку блины), на Пасху и вообще, как сложится. Я рада и благодарна судьбе за то, что у меня есть молодые друзья, с которыми интересно. Милости просим – я всегда рада.

- Вы оптимист по отношению к жизни?

— Наверное, да, оптимист. Я собираю все хорошее. Иду по улице – мне ребенок улыбнулся, и хорошо. Стараюсь замечать, если кто-то хорошо выглядит, всегда благодарю, если мне место уступают. И люди на это отвечают. Все вокруг говорят, что все плохо, и я сама знаю те узлы нашей жизни, где все плохо. Но вот иду я, вижу – стоит мужчина на лестнице, чувствую, что ему плохо, хочу подойти. Но пока я подхожу, к нему уже подбегает молодой парень и спрашивает, чем помочь.

- Вам кажется, что люди лучше становятся?

— Поведение людей становится лучше. Считается, что сегодня люди стали мрачными и замкнутыми, а мне кажется, что они стали вежливее и отзывчивее.

(Тут в разговор вмешалась Манечка, которая потребовала, чтобы хозяйка взяла ее на ручки).

- Маргарита Михайловна, поговорим теперь о собаках. У Вас же всегда были собаки?

— У меня еще в Ташкенте была подопечная дворовая собака, которую я подкормила. Потом долго никаких собак не было – мы жили на съемной квартире. А в 1954 году вдруг мама сказала – давайте заведем собаку. Первая наша собака — тигровый боксер, назвали ее Джун – тогда все увлекались Форсайтами. Очень трогательная была собака: когда родился сын, она перетащила свою подстилку к его комнате и спала под дверью, хотя все на нее наступали. Она прожила у нас восемь лет, и у нее случился рак. Потом мы завели лайку — это было коми-пермяцкая лайка, очень красивая. С ней приключилась другая беда – ее подманили и увели. Через месяц сын нашел на улице щенка, оказался метис овчарки. Мы ее назвали Найда, а дома стали звать Надькой. Очень умная была собака, муж утверждал, что она знала 100 слов. И очень преданная. Мы ее возили в экспедицию два раза – аж под Иркутск, четверо суток в поезде. Она прожила 12 лет, и тоже – рак.

Следующего питомца я нашла на Птичьем рынке (а пошла покупать черепашку!) — привязанного к забору огромного сенбернара. Привезла его домой. Варила ему каши и покупала килограммами винегрет: он ел все! Мясо – чуть-чуть (ну, такое время было…). Назвали его Борей, потому что откликался. Но он при этом был довольно агрессивным. А потом обменяли в питомнике (он был очень красив и породист) на щенка кавказской овчарки. Очаровательный щенок! Гай, так его назвали, очень подружился с нашим котом Васькой. Но в какой-то момент – то ли его отравили, то ли еще что-то, но ночью ему стало плохо, и мы его не смогли спасти. А Васька после этого перестал есть и пить и через три месяца умер. Вот какая дружба…

Решили – все, больше собак не заводим! Очень трудно их терять. Через полгода иду, вижу женщину и на поводке у нее английский бульдог. Я: какой пес замечательный! Она: да возьмите его себе! Так у нас появился Гера. Это был конец 90-х, жизнь уже стала получше. Роскошный пес вырос – важный, независимый, спокойный. Его знали все в районе и до сих пор помнят. Он у нас прожил 12 лет, для этой породы это просто мафусаилов возраст.

- А Манечка как у вас появилась?

— У нас соседка считала была заводчицей, но эксплуатировала свою суку, вязала ее два раза в год. Эту девочку никто не покупал, ей был уже год. И меня уговорили. Я же не подозревала, что это такой «звонок»! У меня все собаки такие воспитанные были. И я привыкла что собаки — самодостаточны. А эта – я ее беру на улице на руки, и она счастлива!

беседовала Надежда Маркина